

Внезапно поле зрения заволочло белым. Не знаю, продолжалось ли это одно мгновение или несколько минут.

Всё стало белым. Ничего не стало видно. А потом... снова внезапно... зрение... вернулось в норму.

Я не знаю, что произошло. Не знаю, но...

Как раз перед тем, как моё зрение вернулось, я услышал тихий, дрожащий голос, прошептавший: «Прости...». Голос девушки, которая, казалось, вот-вот расплачется. Несмотря на то, что пространство было чисто белым, я увидел несколько ещё более белоснежных перьев, которые падали с неба. Это...

— Боже... — Над головой раздался пораженный вздох.

Я повернулся туда, откуда доносился голос. Рассветный рыцарь, одной рукой опершись на бедро, второй держался за лоб, не поднимая глаз, и почему-то... вздыхал с трудночитаемым выражением лица. Это довольно необычно, возможно, даже впервые случилось на моей памяти. Между бровями у него пролегли глубокие морщины. Интересно, почему?

По его виду было понятно, что рыцарь погрузился в какие-то заботы, но я не мог понять, что именно его тревожило, поэтому не сводил взгляда, направленного наверх. Глаза цвета зари медленно распахнулись. Его лицо... из-за нахмуренных бровей он казался раздраженным. Тем не менее, это было сложное выражение, которое я не мог понять, — одновременно на лице проступали раскаяние, примирение с необходимостью сдаться и отчасти недовольство.

В этот момент по бокам начали бормотать на разные голоса. Я вспомнил ситуацию, в которой мы оказались, и подскочил на месте.

Плохо. Сейчас мы находились... почти в центре зала. Нас окружало множество людей, которые хотели нас схватить. Я лихорадочно — чуть мозги не закипели — начал соображать, как же нам выбраться из этого затруднительного положения и прорваться через кольцо. Не важно где и как, лишь бы нашлась лазейка!.. Взгляд метнулся ко входу.

— А?..

Никто на нас не смотрел. К тому же было очень тихо. Склонив голову, я с беспокойством ещё раз огляделся... большинство людей смотрели вверх. Подняв взгляд к потолку и в шоке открыв рты. По их лицам казалось, что их души не здесь, а где-то в мечтах. Было слишком тихо, так тихо, что я не слышал ничего, кроме собственного дыхания. Никто не двигался, создавалась иллюзия, что время застыло. Я и сам был сбит с толку не меньше окружающих меня людей, что не мог определить, сколько минут или секунд это длилось.

После этого один за другим они стали приходить в себя и двигаться, и с этим пришло понимание, что время не останавливалось. Постепенно все пришли в движение. Но никто не подходил к нам. Они оседали на пол, словно лишившись сил, и крутили головами по сторонам, переглядываясь с теми, кто оказался рядом. И поднимали глаза к потолку, как будто в поисках чего-то. У тех, кто продолжал стоять, руки были опущены, а на лице застыло мечтательное выражение.

Кто-то из монахов и рыцарей стоял на коленях и, сложив руки в молитвенном жесте, смотрели ввысь. Сверху на нас в таком вот состоянии, кружась, опускались белые перья. Совершенно невесомые белоснежные перья покачивались в воздухе, словно играя. Трепетные, пушистые.

Внезапно я заметил, что стало светлее. Когда я поднял взгляд, через разбитое оконное стекло... проникали мягкие полосы света. В небе, проглядывающем сквозь щели, больше не было видно тёмных туч... а между непонятно когда взявшихся тонких и длинных облаков... виднелось голубое небо. Всюду, куда падал взгляд, разливалась красивая чистая синева. Когда я задумчиво смотрел на этот Каристально прозрачный цвет, словно просматриваемый на многие километры... светловолосая голова, которую я прижимал к груди, соскользнула.

У него была такая же высокая температура тела, как у малышей. Моя одежда вымокла, когда я перекатывался по залитому дождём полу, но мне не было холодно. Мне было тепло. Глядя на недвижимого парня, меня внезапно охватила паника, и я расслабил руки.

Я был в таком отчаянии, что, не держа себя в руках, прижимал его голову к себе изо всех сил. Возможно, нет, наверняка... ему стало нечем дышать? Я вновь положил руку ему на плечо, и от парня... не последовало никакой реакции.

Что произошло? Может ли быть, что ему настолько не хватало воздуха, что он не смог даже подать голос? Мне жаль. Я не специально. Это было отчаянное положение. Я... я должен был его защитить. И что теперь мне делать, если он задохнётся? Это слишком глупо.

Тревожась, всё ли в порядке, я заглянул в лицо парня, слишком тихо лежавшего в моих объятиях. Когда я присмотрелся... он не казался задыхавшимся. Я чуть склонился к его лицу и прислушался: хоть дыхание и было слабым, но не было похоже, что он страдал от недостатка кислорода. По крайней мере, выглядело всё так.

К небесно-голубому цвету глаз... как будто примешивался белый, глаза были подернуты лёгкой дымкой. Хотя я нависал над ним, он смотрел не на меня. Наоборот, было непонятно, куда направлен его взгляд. Судя по выражению лица... похоже, его, как и окружающих, затащило в какую-то иллюзию, и он до сих пор пребывал в ней.

— Ал?.. — я робко позвал его по имени.

Привычный насыщенный голубой цвет вернулся, и веки вздрогнули. Он медленно повернулся и встретился со мной взглядом. После этого несколько раз заторможенно моргнул. Длинные руки обхватили меня за спину и пояс. Его руки... почему-то ужасно дрожали. И он обнимал так

крепко, что было больно.

Даже слишком больно, так что я хотел попросить его немного ослабить объятия, но... Он отчаянно цеплялся за меня, словно малыш после страшилки... и я ничего не смог сказать. Что случилось?

Это крайне редкое зрелище. Что бы ни происходило, он сохранял спокойствие, даже в ситуации, когда оказывался окружён людьми с оружием, не поддавался панике. Хотя хладнокровным его никак не назовёшь. Всегда выглядел так, словно его ничем нельзя напугать. И всё же...

— Ал?.. Что такое...

— Белый свет...

Я подавился воздухом от ответа. Белый свет?

...не может быть.

Я поспешно огляделся. Даже сейчас у всех вокруг было отсутствующее выражение лица, словно они пребывали где-то в мечтах. Не может быть. Не только Альфред, но и они тоже? Все, находившиеся здесь... видели это? Её белое сияние...

— Ал, ты тоже...

Я побоялся закончить вопрос, так что оборвал себя на полуслове. Заново собрался с крупными смелости, чтобы открыть рот, и... Объятия, в которые я был заключен, стали крепче. Он вжался лицом мне в грудь. Он так сильно дрожал, что это было видно невооруженным глазом.

— Такой же, как в тот раз... свет...

В тот раз?.. Такой же свет?

— В тот раз?.. Это...

Когда я собирался задать вопрос, послышался хлопок. Тишина стояла такая, что посреди затихшего зала его было отлично слышно. Я рефлекторно обернулся на звук... к центру круговой галереи на втором этаже. Остальные подняли лица и смотрели в том же направлении, что и я.

Я понятия не имел, что произошло. Было ощущение, словно всё перезагрузилось, никто не

знал, что теперь делать, и потому не мог двигаться. Можно сказать, это единственное, что оставалось делать. Всем, включая меня... Рассветный рыцарь, на которого были направлены взгляды, наконец, ещё раз громко хлопнул в ладоши.

— Всем оставаться на своих местах... И опустить оружие на пол.

Под взглядом Шверта люди торопливо побросали оружие на пол. Человек в белом облачении и белой шляпе, стоявший позади рыцаря, тоже панически уронил посох на пол. Он, вероятно... был архиепископом, управляющим этим отделением Церкви. И всё же. Видя, как Шверт обходился с епископом, даже те, кто не знал его в лицо, догадались, кто перед ним. С удивлением и отчасти страхом они роняли оружие один за другим. Рыцарь цвета зари медленно сложил руки на груди, прищурился и тяжело вздохнул.

— Судя по лицам всех присутствующих, это видел каждый... Недавний свет...

Свет. Как только он произнёс это слово, послышалось множество голосов. Словно прорвало плотину. Восхищенные, удивленные, испуганные, восторженные, умоляющие, радостные голоса.

— Господа, будьте тише. Это священное место.

Когда Шверт нахмурился от шума и повысил голос, зал быстро затих. Все тут же прислушались к его словам и прикрыли рты. Все находившиеся здесь... были людьми, принадлежавшими к Церкви. Когда я это увидел... вновь осознал его положение «рыцаря меча» и опасность ситуации, в которой мы оказались. Шверт обвёл взглядом снова затихший зал и громко вздохнул.

— Так, господа... Теперь успокойтесь и послушайте меня. Только что от Богини я получил «Божественное откровение».

— А?

Откровение?.. Когда я поднял взгляд, глаза рассветного... смотрели точно на меня. Он слегка хмурился и улыбался с видом человека, признававшего свое поражение.

— Только что госпожа Богиня снизошла в белоснежном свете и приказала мне... исполнять всё, «что хочет человек, которого я отравила»...

— Отравила?..

— Да, всё верно... Именно так сейчас поведала мне госпожа Богиня. Господин Лиан...

Шверт повернулся ко мне, назвав по имени.

— «Он облачен в серебряный цвет», вот что она сказала. В этих краях тем, кто облачен в серебро, был... господин Лиан. Только вы. Только что госпожа Богиня просила об исполнении ваших... нет... желаний господина «Божественного посланника».

— !..

Я же говорил не называть меня посланником!..

Как и ожидалось, окружающие тут же уставились на меня с ошарашенным выражением на лицах. Как госпожа Мари, когда мы встретились впервые. Он намеренно сказал это при всех... вероятно, чтобы убедить их... я не хотел этого знать, но всё же догадался. Однако... Шверт заинтересованно приподнял бровь и уголки губ. Этот ублюдок.

— Итак, господин посланник... позвольте нам повиноваться вашим словам. Каково ваше желание?

— Желание...

Ах... Вот что. Вот оно как. Значит, она разрешила ему следовать моим желаниям. Слова, что я произнёс тогда и прокричал здесь... наконец-то... она их приняла и согласилась с ними?

Я поднял лицо к потолку... за ним где-то очень далеко и высоко находилась она. Подняв глаза, я заметил до сих пор слегка кружащееся белое перышко... при этом мне на щеку упала пара капель. Прошёл довольно сильный дождь с ветром, так что вода могла где-то скопиться. Только почему-то эти капельки были не холодными, а тёплыми. Я опустил взгляд, снова посмотрел в глаза цвета зари и открыл рот, чтобы заявить о том, чего я хотел.

— Моё желание — оставаться в деревне до самого конца, чтобы увидеть всё собственными глазами. Спасибо, что беспокоились обо мне и пытались спасти. Но... если для того, чтобы спасти, меня нужно держать подальше от деревни... то не нужно ничего делать. Пожалуйста, не нужно... Это то, чего я хочу.

— Вот как?..

Рассветный рыцарь прикрыл глаза, протяжно вздохнул и снова открыл их.

— Я понял. Я был уверен... что именно это вы и скажете. И это единственное, что мне удалось предугадать, я действительно в тупике.

Шверт повернулся к выходу.

— Господа, вы все слышали его слова, не так ли? Он — тот, кто снизошёл сюда с великой миссией от госпожи Богини. Поэтому ничто не должно преграждать ему путь. Это его желание и «божественное откровение», дарованное Богиней. Поэтому те, кто не согласен с волей «посланника»... знайте, что вы, как враги Богини, попадете под кару моего меча. Разглашение информации о произошедшем здесь считается таким же преступлением. И, думаю, всё понимают, но всё же... то, что он «посланник», тоже должно остаться тайной. Договорились?

Шверт, прищурившись, прошёлся по всем пристальным взглядом, не терпящим возражений. Как и ожидалось от «рыцаря меча», сильнейшего в Церкви. Его аура, властность, тяжёлый взгляд и безмолвное давление — ни в чём не было недостатка. Все сильно побледнели, словно были очень напуганы, и быстро закивали. Я тоже кивнул, поддавшись всеобщему порыву. Ничего не мог с этим поделать, настолько было страшно. Возможно, таким и был настоящий «рыцарь меча», Шверт Шутцер.

Рассветный снова громко хлопнул в ладоши.

— На этом разговор окончен. Если кто-то получил травму, обратитесь за помощью. Остальные пусть приведут это место в порядок. Когда закончите, возвращайтесь на посты. Можете быть свободны.

Когда Шверт раздал инструкции, все зашевелились, а на лицах до сих пор сохранялось мечтательное выражение. Казалось, меня разом покинули все силы, так что хотелось просто отключиться, но я сумел сдержаться. Было абсурдно огромное предчувствие, что в сложившихся обстоятельствах мои мигрень и вызванный стрессом гастрит вполне могли вернуться, но... он, представитель верховного архиепископа, своевременно предупредил Церковь, чтобы те не мешались под ногами... так, что, думаю, всё будет нормально. Хочу так думать.

Прошу. Просто оставьте меня уже в покое. Правда, прошу.

— Спасибо, Шверт. Нет... господин «рыцарь меча».

Хотя сила слов Богини тоже была велика, я всё же выразил благодарность за то, что он выслушал меня и, как и можно было от него ожидать, с присущим ему умением сумел повернуть сложившуюся тут ситуацию в мою сторону. Шверт повернулся ко мне и тихо покачал головой, улыбаясь.

— Нет... Я только следовал словам госпожи Богини. Не за что меня благодарить... Но важнее другое. Вы понимаете, что даже... Если вы сейчас вернетесь в деревню, будущее... Печальная «судьба» той деревни может остаться неизменной?

Улыбка пропала с его лица, и он уставился на меня ясными рассветными глазами. Словно спрашивая. В его словах также чувствовалась тревога. Он... иногда он впадал в крайности, слепо и преданно следуя своей вере... но он был очень добрым человеком. Думаю, он переживал за меня. Типа, не собираюсь ли я погибнуть вместе с деревней. Я посмотрел в

потемневшие глаза... и открыл рот, чтобы ответить на поставленный вопрос.

— Нет. Это... ведь ещё не известно, так? Никто не знает этого точно, даже Богиня. Будущее... существует не в единственном варианте. Ничего ещё не решено. Богиня сама сказала, что вероятность спасения не равна нулю. Так что я... решил изменить будущее. Пообещал изменить. Богине и... ему. Вот почему оно должно измениться. Нет, мы сможем его изменить... Обязательно.

Рассветный рыцарь молча уставился на меня. Через некоторое время он тяжело вздохнул. Затем бессильно пожал плечами. И улыбнулся.

— Понятно... Тогда, мне тоже... пообещаете это?

Я тоже улыбнулся в ответ и кивнул. Конечно же. Ради этого я столько работал. Чтобы все, включая меня, были спасены.

— Да, обещаю.

Шверт кивнул.

— Понял... Так и передам моему начальнику.

Тому упрямому, вспыльчивому и любящему повышать голос типу? Тут мне не оставалось ничего, кроме как болеть за Шверта.

— Прошу...

— Хе-хе... Не делайте такое беспокойное лицо. Не волнуйтесь. Он, конечно, твердолобый... то есть довольно упрямый, но не из тех, кто не прислушивается к людям. Я уверен, он обязательно поймёт... Вероятно, Богиня тоже направилась рассказать моему начальнику о подробностях этой ситуации.

— Т-так ли это...

Кто знал. Отправилась ли она к нему? Честно говоря, не уверен.

Не знаю, причиной был аварийный энергосберегающий режим из-за чрезмерного использования энергии... в смысле божественной силы, или что-то ещё, но почему-то... её способности мыслить и оценивать тоже стали как у ребёнка... точнее, словно она на них сэкономила энергию. Я хотел бы думать, что это только моё воображение, но было слишком похоже на правду. Потому что она так же, как и малыши, рыдала и пускала соплю. И это всё ещё не так уж плохо, но если это и был её настоящий характер, то это просто катастрофа.

Потому что даже если божественные силы полностью восстановятся, характер останется тем же! Трудно исправить характер, это серьёзное дело, которое требовало терпения и времени.

Нужно ли мне исправлять характер Богини? Я уже сыт по горло тем, что мне требуется прививать здравый смысл малышне и блондину.

Смотревший на меня Шверт по какой-то причине внезапно тихо рассмеялся. Даже отсюда мне было видно, как затряслись его плечи.

Да что не так с этим паразитом?

Чего ты ржешь, грубиян? Говоришь, беспокоиться не о чем? Но вообще-то это нормально. В таких обстоятельствах кто угодно начнёт беспокоиться.

В этот раз было ясно только одно... Богиня тоже сильно запаниковала. Но если подумать, без «шёпота» было никак не обойтись. Даже я это понимал. При последующем спокойном размышлении стало понятно, что эмоции тут были абсолютно лишними. «Шепот» на эмоциях — это красная карточка. Думаю, стоило «нашептать» хотя бы немного лишнего или ошибочного, и это будет иметь ужасные последствия. Нет, я уверен. Это действие требовало тонкости, деликатности даже.

Ах... точно. Возможно, именно в этом и заключалась трудность «сотворения мира». Кстати об этом, Богиня же упоминала, что были боги, которые и по сотне раз проваливались. Возможно, причина неудач была в том, что они слишком часто и бессмысленно использовали «шепот». Мне так казалось. Но я не уверен. Поскольку я самый обычный человек, мне не понять божественные обстоятельства.

После этого Шверт сказал, что так как я тоже был ранен, то меня нужно подлечить, и, посмотрев вниз, на первый этаж, назвал по имени одного из монахов. Затем он помахал мне рукой и удалился, чтобы выдать инструкции рыцарям и архиепископу с озадаченными лицами.

Названный священнослужитель робея подошёл ко мне и спросил, не ранен ли я. Мелькнула мысль, что его имя было мне знакомо так же, как и узкие глаза, и птичье гнездо на голове... и я вспомнил. Я знал этого священнослужителя. Он привел Эфу в деревенскую церковь... аколит Карис Писти.

Не то чтобы это были какие-то далекие воспоминания, просто тогда моя голова была забита другим, и было не до него. Эфа и Шутцер произвели слишком сильное впечатление, так что все остальное запомнилось немного смутно... Угу. Прости. Мне очень жаль.

Я мысленно попросил прощения у господина Кариса.

— Кто бы мог подумать, что такое произойдёт... Что господин Шутцер будет держать взаперти

господина Лиана... нет, господина «посланника». Я так нервничал, задаваясь вопросом, что же делать... Мне правда... Очень жаль...

В ответ на извинения я отрицательно покачал головой. Тут совсем не было его вины. В первую очередь, здесь попросту не было никого, кто мог бы высказать своё мнение или пойти против рыцаря меча. Я это тоже хорошо понимал. В конце концов, даже архиепископ, возглавлявший это отделение, подчинялся Шверту.

Для начала я попросил его не называть меня «посланником». Карис, побледнев, извинился, сказал, что понял, и прикрыл рот рукой. Уж пожалуйста. Каждый раз, как меня так называли, мои духовные силы падали в минус. Он спросил меня, болит ли у меня что-нибудь, я честно сказал, что у меня неплохо так горели болью оба плеча. «Понял», — ответил он.

Писти возложил ладони мне на плечи и начал тихонько читать заклинание, словно напевая песню. Затем... от ладоней начал исходить холодный белый свет и тепло... и боль в плечах понемногу отступила. Одна из священных техник — свет исцеления.

Святая сила исцелить другого, которую даровала Богиня, защитница мира. Согласно тому, что я слышал от Мари, количество божественных сил у разных людей может различаться так же, как и мана. Оно может быть увеличено за счет строгих тренировок, но очень большое значение имели врожденные и физические данные.

У будущей Святой Девы Эфы благодаря крови предков божественный дар от природы намного выше, чем у других. Это был дар от Бога народу, которому он благоволил... и одно из «благословений», полученных Святой.

Я поблагодарил Кариса за лечение. Испытывая стыд... я низко склонил перед ним голову и попросил об одолжении. За того, кто тут так неистовствовал, устроил невероятный погром и ранил столько людей. За того, кто доставил всем столько неприятностей, за маленького злобного паршивца, который заслуживал длинной проповеди и исправительных тумачков по возвращении в церковь... Как-нибудь...

— Его тоже... не мог бы ты как-нибудь его излечить, пожалуйста?..

Писти согласно улыбнулся. И исцелил страшные раны блондина. Какой он хороший парень. Настолько хороший, что у меня в груди заболело. Аура хорошего человека была прямо в сердце. А-ах, спасибо большое, но мне правда очень, очень жаль.

После лечения Писти ушёл. Я несколько раз похлопал по спине Альфреда, который даже после исцеления продолжал прижиматься ко мне. Мы всё ещё сидели на полу, он так, можно сказать, стискивал меня в объятиях, что я даже не мог подняться. Я находился в состоянии полной блокировки. Даже двинуться было невозможно.

Мне очень не нравилось взгляды людей вокруг, начавших прибираться и сновать мимо нас. В

их взглядах так и читался вопрос о том, какие между нами отношения. Это было нестерпимо. Мне хотелось хотя бы перебраться в какой-нибудь угол.

— Альфред. Ну же... Давай вернёмся в деревню.

Проблемный блондинистый ребёнок вздрогнул и кивнул мне в шею. Впрочем, он по-прежнему продолжал сжимать меня со всей своей дурной силищей. По возможности я бы хотел, чтобы он немного ослабил хватку. В груди слегка не хватало воздуха, и спина болела. А парень снова замер. Вздохнув, я задался вопросом, что же с ним делать.

Я в растерянности снова позвал его по имени и погладил белокурую голову, уткнувшуюся мне под подбородок. Жёсткие светлые пряди щекотали кожу. Поскольку они были жесткими, но пушистыми и шелковистыми, это было довольно приятно. Сколько бы я его ни звал, он не отвечал... Неужели потому, что всё ещё злился?

Он имел полное право злиться. Я и сам осознавал, что сделал нечто, способное очень сильно разозлить.

— Прости, Альфред... Правда, прости. Извини, что я ушёл, ничего тебе не сказав... Я доставил тебе столько беспокойства. Не только тебе, но и остальным. Я правда идиот. Ещё и наврал... И ты оказался ранен... Прости...

Ответа не последовало.

Что мне делать?... Кажется, он действительно сильно злился.

— Мне правда жаль, прости меня, Альфред. Я... тебе так противен?..

Такой неисправимый лжец, как я... что ушёл, ничего не сказав. Я ждал ответа, но блондин... продолжал молчать. Я решил, что он всё-таки меня ненавидит, и был так подавлен, что хотелось плакать, меня словно затягивало в бездонное болото безысходности. А если он меня не простит, что тогда делать? Что я ни скажу, уже ничем сделанного не исправишь... занимаясь подобным самобичеванием, я погружался на дно отчаяния...

Светлая голова на моей груди медленно повернулась... слева направо. Заметив жест и осознав его значение, я... у меня зажгло глаза и запершило в горле.

— Спа... сибо...

Я невольно обнял белокурую голову, и парень обнял меня в ответ. Сильно. В том месте, где его лицо прижималось к моей шее... я ощутил тёплую влагу.

— Эй... ты ведь... останешься... навсегда со мной рядом?..

Он спросил о таком. Немного хриплым, дрожащим голосом.

— Эй. Ты же останешься? Навсегда... Не вернешься... к Богине?..

Я подавился воздухом.

Ты слышал наш разговор с Швертом... и я понятия не имел, сколько из него ты сумел понять. Однако ты сам заговорил об этом... Учитывая, что ты был весьма умён, наверняка понял большую часть. Что произойдёт с деревней в будущем... Что я пытаюсь сделать...

Ради этого я... столько лгал. Даже о самом себе и о том, что чувствовал к тебе.

— Альфред... Я...

Даже не настоящий «Лиан»... И всё же...

Блондин сильнее вцепился в мою одежду.

— Ты... Ты... не уйдёшь куда? — спросил он с напором.

Я понял, что он пытался этим сказать, и обнял белокурую голову дрожащими руками. Я до сих пор не мог рассказать ему обо всём. Так и не смог набраться для этого решимости. Однако...

— Я... никуда не уйду.

Даже обратно к Богине.

Я почувствовал, как из твёрдых, словно камень, плеч понемногу ушло напряжение. И из рук, изо всех сил цеплявшихся за мою куртку, тоже.

— Никуда не уйдёшь?..

Он всё ещё продолжал беспокойно спрашивать, так что я размашисто кивнул, чтобы мой ответ был ясен, и повторил:

— Не уйду.

Наконец, крепко обнимавшие меня руки тоже расслабились.

— Тогда... Пообещай мне.

Я снова кивнул и ответил:

— Обещаю.

— Это точно...

— Точно.

— Клянешься?

— Клянусь.

Парень кивнул мне в ответ и медленно выдохнул.

Но я и сам понимал, что это вряд ли означало, что меня простили. Я сглотнул неровный вздох. Закрыв глаза, прижав к себе его голову, и, хотя мне было так страшно, что хотелось сбежать, всё-таки задал вопрос:

— Простишь ли ты меня?..

Такого глупого и жалкого. Я продолжал ругать себя, обдумывая многочисленные ошибки и промахи, погрузившись в глубокую депрессию. Я молился и ждал решения человека, перед которым был виноват больше всего. После раздавшегося протяжного вздоха...

— Прощу...

Прозвучало крайне неохотно, даже скорее так, словно у него не было другого выхода. Буркнул будто против воли. Низким, тихим голосом, который так трудно было расслышать. Услышав это, я был так счастлив, и одновременно мне было так горько, что хотелось плакать.

— Спасибо...

Я не мог унять дрожь в горле, тем не менее мне так отчаянно хотелось поскорее сказать ему это, что я сумел заставить слушаться не желавшие работать голосовые связки. Ответа от светловолосого судьи не поступило, но он прижался лбом к моей груди. Обняв обеими руками с такой силой, что стало больно, а лохматая золотистая голова несколько раз двинулась вверх-вниз...

И, в настоящий момент... Перед моими глазами представало трагичное зрелище — вход в филиал сейчас напоминал поле после боя. Чувство невероятного сожаления и желание вырыть где-нибудь ямку и закопаться в неё наполнили мою грудь... Когда я окликал людей, занимавшихся уборкой и ремонтом, и предлагал помощь, мне почему-то отказывали с резко побледневшим лицом, уходили от ответа и попросту пытались сбежать. Почему они сбежали? Это немалый шок для меня... так что я сыпал извинениями им в спины.

Затем после того, как от нашей помощи отказались, и мы приунывши отправились на выход... по какой-то причине всю дорогу нам вслед молились и кланялись.

Почему? Я хочу, чтобы они прекратили. Правда. Это реально пугало. Моё сердце не выдержит.

Конечно, с собой я таскал блондина и заставлял склонять голову, а тот сверкал глазами и так сильно сдвигал брови, что всем было очевидно, что в настроении он вовсе не радостном. Я был виноват, но и он тоже. Без сомнений, причиной большинства этих катастрофических разрушений был проблемный блондинистый ребёнок рядом со мной.

Я даже подсчитывать общий ущерб не хотел. Это ужасно. В дрожь бросало. Почему ты устроил такой погром, паразит? Ты слишком разбушевался!

Тем не менее... Блондин постоянно выглядел недовольным, раздраженным и угрюмо отворачивался.

Этот балбес. Какова бы ни была причина, причинять боль людям и разрушать чужие дома и имущество плохо! И не оправдывайся, что они первые начали! И не смотри на меня так! Не виноват он! Если ты ответил насилем на насилие, ты ничем не лучше, придурок!

Из-за того, что ты вёл себя так недружелюбно, конечно, они отказывались от помощи. Некоторые даже убегали, испугавшись тебя.

Невольно оказавшись в шкуре родителя хулигана, который не желал прислушиваться к чужим словам, я отругал его, что эта кислая мина никуда не годится, и он должен как следует, с чувством, извиниться перед пострадавшими, раз уж называет себя взрослым!

— Тихе-тише... господин Лиан. Его привело сюда огромное беспокойство о вас, думаю, он просто не мог больше ждать, — высказался Шверт... точнее, господин Шутцер, подойдя к нам со своей обычной приветливой улыбкой, вероятно, закончив раздавать инструкции.

— Господин Шутцер... Эм... Здание так сильно пострадало... Мне правда очень жаль... Это... Можем ли мы чем-нибудь помочь?

Я не хочу об этом думать, но возмещение ущерба... Что с ним будет... Было разрушено несколько статуй святых, которые выглядели весьма дорого... интересно, хватит ли моих

карманных денег на ремонт? Страшно. Но, думаю, заплатить должен именно я, раз являюсь причиной произошедшего... Конечно, и самого разрушителя я заставлю немного раскошелиться, но... Угх... Мой желудок...

Когда я, уж не знаю в какой раз, предложил помощь, Шутцер весело расхохотался.

— Всё в порядке, никаких проблем. Здесь и так полно рабочих рук. Кроме того, именно я виноват в сложившейся ситуации. Не получив вашего согласия... я обманом привёз вас сюда....

— Нет, это...

— Вот именно, если посмеешь похитить его ещё раз... я тебя прикончу.

— Альфред!

Несмотря на то, что я одёрнул его за неподобающие слова, Альфред продолжал, прищурившись, смотреть на Шутцера. В его небесно-голубых глазах... я видел мерцающие золотые искры. Похоже, он действительно злился... ещё секунда, и взорвётся.

Что же делать? Это очень... очень нехорошо. Шутцер был тем... кто стал одним из товарищей Альфреда ближе к концу истории. По известному мне сюжету, эти двое... если меня не подводила память, они признавали способности друг друга, но их индивидуальности и образ мышления не совпадали в нюансах. Тем не менее, если задуматься о будущем, то, без сомнения, лучше попытаться выстроить как можно более дружеские взаимоотношения. Потому что он в перспективе... был «будущим товарищем», с которым они будут путешествовать и сражаться плечом к плечу.

— Альфред, у господина Шутцера были свои причины так поступать. Это не целиком его вина. Так что...

— Ах, как и ожидалось от господина Лиана. Я так рад, что вы это понимаете. Моя благодарность.

— Почему ты его защищаешь?! Разозлился! Это всё из-за него!..

— Ох, успокойся! Я понимаю, я всё понимаю, так что успокойся, Ал!

Я думал, так будет лучше, но ничего подобного. Ах, блин, полный провал. В конце концов, он начал закипать, и, когда двинулся вперёд, явно намереваясь нанести удар, я торопливо заступил ему дорогу и обеими руками упёрся ему в грудь, останавливая.

Что касалось Шутцера, тот не выглядел ни сердитым, ни недовольным. Наоборот, он

расслабленно сложил руки на груди и улыбался, словно наблюдал за чем-то забавным. Взрослый. Нет, определённо более зрелый, чем мы оба.

— Ха-ха... Словно дикий пёс. Похоже, из-за того, что он очень силен, его довольно сложно выдрессировать. Точно... если сил господина Лиана недостаточно, я могу сам об этом позаботиться.

Э-э-эй! Перестань, не говори слова, которые могут разозлить его ещё сильнее! Прошу! Пожалуйста!

— А-а-а?! Ублюдок, да как ты смеешь, кто тут!..

— А-Ал! Да успокойся же ты!.. Ну же, давай вернёмся домой! Ну? Пойдём!

Конечно же, мне пришлось приложить все силы, чтобы сдержать блондина, который снова начал заводиться. Если бы я убрал руки, то он точно бы покусал Шутцера. Я весь покрылся холодным потом.

— Господин Лиан...

Рассветный, чему-то невероятно радостно улыбаясь, потянулся к моей шее и коснулся пальцами ошейника, сплетенного из серебряных и разноцветных нитей. Он тихо произнёс нараспев несколько слов... и ошейник с щелчком раскрылся. Серебряные и цветные нити с лёгким шорохом опали на землю.

— Даже запечатав ваши силы и заковав в кандалы... я всё-таки не смог вас увезти.

Ты опять об этом?

— Я никуда не поеду.

— Я понимаю... Если таково ваше желание... я подчинюсь. Господин Лиан, есть ли у вас другие пожелания?

— Другие?..

— Да. По крайней мере, мне хотелось бы помочь. Прошу.

Если ты говоришь, что хочешь мне помочь... это то, о чём я и мечтать не смел. Несомненно, что чем больше людей и военной мощи будет задействовано в обороне, тем лучше.

— Если вы говорите, что хотите протянуть мне руку помощи... то я прошу о спасении для всех нас. Я буду очень признателен, если вы окажете помощь в преодолении того дня... Потому что если мы сможем преодолеть это бедствие, то в не столь отдалённом будущем... будет спасено ещё больше людей.

Именно... После нападения на деревню Лейс и прорыва обороны дальше монстры направятся... к находящемуся впереди городу. Там были городская стража и дружинники, и если до них дойдут новости о бедствии в деревне Лейс... то они поспешат собрать тех, кто способен сражаться... и первое время, возможно, кое-как смогут выстоять. Тем не менее, без сомнений, многие пострадают. Поэтому, если мы сможем защитить деревню... то спасены окажутся не только селяне, но и множество других людей.

Шутцер прищурился и широко улыбнулся.

— Принято... Пожалуйста, положитесь на меня. Обещаю, что приду к вам на помощь, дабы победить эти тёмные времена. И... клянусь своим мечом перед Богиней, что последую за светом, ведущим нас к хорошим временам.

Говоришь, что придёшь? Чтобы защитить нас? Будешь сражаться вместе с нами?

— Спа... сибо... Большое спасибо, господин Шутцер. Правда... спасибо...

Шутцер легонько коснулся рукой моего правого плеча и покачал головой.

— Нет... Господин Лиан, пожалуйста, не плачьте. Если это поможет вам, а значит и многим другим, достигнуть светлого будущего, для меня это только в радость.

Я вытер глаза рукавом, сделав вид, будто поправил чёлку. Внутри я взрослый человек и не могу плакать из-за таких вещей. Однако стоило принять во внимание, что с возрастом слезные железы начинали ослабевать. Такова природа. Дедушка тоже так говорил. Глядя передачи о животных и при этом от души рыдая.

— Я не плачу... Но большое спасибо. Я очень благодарен...

Повернувшись к нему, я склонил голову. Когда поднял взгляд, наши глаза встретились, и он улыбнулся, слегка прищурившись. Ладонь, лежавшая на моём плече, теперь уже держала мою правую руку... Тыльной стороны руки коснулись губы. От шока я застыл столбом.

Ува-а-а-а-а. Вот они, люди с запада!..

Имей немного больше стыда! Пожалуйста! Не нужно делать такое на публике! Почему тебя это не смущает?! Что за менталитет такой?! Я не понимаю!

— Тогда, как бы это ни было прискорбно... я вынужден ненадолго попрощаться. Моё вспыльчивое начальство не дает покоя. Так что я направляюсь в главное подразделение с докладом. Пожалуйста, берегите себя до нашей следующей встречи. И ещё, я надеюсь, что... вы снова будете называть меня Швертом.

Я поспешно отдернул руку.

— Я не могу вас так называть! Это невозможно! Простите!

— Э-э-э-э~

Естественно, я не мог! Я его так называл только потому, что был зол, но он не из тех людей, к кому бы я, самый обычный человек, мог бы так фамильярно обращаться. Меня только отчитают за то, что я неуважительно отношусь к такой персоне!

И вообще, что за «Э-э-э~»?! Как ребёнок, право слово!

— Что ж, благополучно вам вернуться! Мы тоже уезжаем! Пожалуйста, передайте мои наилучшие пожелания вашему начальнику и всем остальным! До встречи!

Я схватил за руку золотистого зверя с мрачным пугающим взглядом, который даже порывивал, как самое настоящее животное, и поспешил к воротам, где нас уже ждал огромный чёрный скакун. Кстати, коня звали Труэно*. Похоже, его назвали в честь бога грома из-за узора в виде молнии на шее. И сделал это господин Чедд. Это очень простой метод именованья. На самом деле, господин Чедд всегда был таким. Что-то вроде: «Раз белый, то будешь Белый!»

Услышав это, я не задумываясь мысленно прокричал «Гром* от мира лошадей!». Он был очень умным и вообще лапочкой, мы крепко сдружились.

Я хотел перед возвращением забрать свои вещи, так что поймал находившегося поблизости монаха и сообщил ему об этом. Почему-то вокруг начала собираться толпа извинявшихся и молившихся людей. Даже казавшийся мне самым величественным человек в белых одеждах вышел извиниться, обливаясь потом.

Я тоже извинился, сам вспотев не меньше. Мы извинялись друг перед другом, и это было довольно странно. Из-за поторопившейся Богини мы оба оказались в положении жертвы, поэтому я бы хотел, чтобы мы могли простить доставленные друг другу неудобства. Прошу. Мне правда очень жаль, что из-за меня было столько разрушений.

Они последовали за нами к воротам и даже проводили. Нет, это уже правда было чересчур. В смысле, я хотел бы, чтобы они остановились. Мне бы просто хотелось, по возможности, тихонько уехать. Некоторые в толпе даже складывали руки в молитвенном жесте и со слезами на глазах, правда, дайте мне передышку. И хватит молиться. Стоп! Я самый обычный человек!

Просто иногда... нет, не так... частенько мог говорить с Богиней. Вот и всё. И я не скромничал. Такова реальность. И хотя я говорил об этом, никто не прислушался. Шутцер сказал, что позаботится об остальном... и я правда на него рассчитывал.

Потому что побаивался, что они и в деревню заявятся со своим поклонением. Пожалуйста, не позволяй этому произойти. Прошу. Я этого не вынесу, возникнут неприятности, и у меня опять начнёт сводить живот.

Когда я собирал вещи, Карис рассказал... что пока меня держали взаперти...

Родители, брат, Лоэндель, Мари и Эфа, супруги Чедд и малыши, обычно не уезжавшие с ранчо, даже злобная троица, оказывается, волновались и приезжали в филиал, чтобы навестить меня. Я даже понятия не имел. Вернее, мне об этом даже не говорили, так что и поделать я ничего не мог.

Кажется, этот паразит Шутцер... распорядился отправлять восвояси всех моих знакомых и посетителей из деревни. Даже запретил мне передавать подарки... потому что я бы расстроился, вспомнив о деревне.

Карис показал мне телегу, до отказа набитую передачками. Я решил забрать только записки и письма, приложенные к подаркам... а остальное пожертвовать церкви. Надеюсь, что пищу, одежду, полотенца и всё остальное, посланное мне для выздоровления, будет использовано другими людьми, действительно в этом нуждающимися. Я без сомнений был полностью здоров и у меня ничегошеньки не болело.

К тому времени, как мы собрались уезжать, небо совершенно разъяснилось. Как будто гроза с проливным дождем и ветром мне просто приснилась. Куда ни глянь, повсюду расстиралось чистое голубое небо с редкими белыми облаками. Ветер, пробежавший по щекам, был чуть тёплым и приятным. Я, трясясь, ехал на спине медленно идущей лошади, и... с того момента, как мы покинули церковь, только и делал, что успокаивал, уговаривал, извинялся, хвалил и благодарил сидящего позади меня парня.

Кажется, сегодня я повсюду только и делал, что извинялся перед всеми, не только перед блондином, сидевшим сзади...

Мне это совсем не нравилось. Как вообще так получилось?

— Эй, ну Альфред... Ну, прости. Прости меня. Я больше не буду так делать. Больше не буду уезжать, не сказав тебе, а если куда-то поеду, то обязательно сообщу, куда и когда вернусь. Ладно?

Тишина.

— Альфред, ну хватит, может, перестанешь дуться? Точно, может быть, ты чего-то хочешь? Можешь просить всё что угодно. Но только что-то одно.

— Одно?..

Наконец поступил ответ. Однако голос был очень тихим, полным недовольства, протеста и злости, и мне стало немного страшно. Да и темная аура гнева, идущая сзади, весьма пугала.

— Н-нет, д-два... Угх... Три тоже нормально! Три желания!

— Хм-м... Тогда целуй меня, пока я не буду доволен...

Ублюдок... вот так неожиданно? Ты и вправду предан своим инстинктам! Нет, твоя истинная натура — дикое животное! Я ожидал, что такое могло произойти, но не был к этому готов! Чертов прохвост!

— С-сейчас?..

— Сейчас.

Лицо опустилось ниже.

Морально подготовившись, я пересел боком... обхватив его руками за плечи, чтобы не упасть. Блондин придерживал меня за талию, не знаю, уж из доброты душевной или из-за чего ещё. Я прижался губами к его щеке. Морщинки, собравшиеся между его бровей, слегка разгладились. Со следующим разом разгладились ещё чуть-чуть. Аура недовольства потихоньку рассеивалась.

— Больше. Лицо. Чаше. И в губы тоже.

Как он и заказывал, я прошёлся поцелуями по его лицу, включая губы. На улице!!! Я в глубине души загнал поднимающийся стыд куда подальше, накрыл крышкой, придавил камнем и закрыл на ключ. Иначе умер бы от смущения.

— Ещё...

— Кх...

Герой протолкнул внутрь свой язык. Я приоткрыл рот, вступая с ним в борьбу своим языком. Из-за того, что нормально вдохнуть не получалось, у меня сбилось дыхание.

— Ха-а... Уф... Доволен?..

— Совсем нет.

Что... совсем... ну ты...

Полностью измотанный, я обмяк в обнимавших меня руках.

— Поэтому продолжай, пока мы не доберёмся до деревни. Держись за меня. И время от времени целуй.

— Эм... это второе желание?

— Первое.

— ...

— И ещё иногда поглаживай.

Не слишком ли это расплывчатое для понимания объяснение того, до какого момента распространялось первое желание, паразит? Так я подумал, но вслух ничего не сказал. Светловолосая голова боднула мою, щекой потершись о мою щеку.словно избалованный питомец.

Я тихонько вздохнул и погладил его по волосам и щеке, а потом... нежно прижался к чужим губам.

Не знаю, без происшествий ли, но я вернулся в особняк. Лоэнделю я сказал, что мой диагноз был ошибкой и что я оставался в филиале церкви, пока не пришли верные результаты. Так как я не мог сказать правду, это всё, что я мог сказать. Мало того, что я заставил их поволноваться, так ещё у меня не было иного выбора, кроме как солгать, мне так хотелось извиниться, что я готов был провалиться сквозь землю.

Шурио, родители и брат Лиана обнимали меня и плакали. И даже Лоэндель, при любых обстоятельствах не показывавший никаких эмоций, кроме идеальной улыбки, прослезился. Это было так невыносимо... мне хотелось опуститься на колени и молить о прощении.

И снова... мне доставили множество подарков. С ранчо Чедда привезли много сыров и кисломолочной продукции, потому что это полезно. Мари и малыши... отправили мне цветы с запиской, что они надеются, что мне скоро станет лучше. Почему-то филиал церкви тоже отправил целую гору даров.

Я... изнывал от чувства вины и невозможности провалиться под землю. Кто-нибудь, спасите меня.

Простите. Я больше так не буду. Я очень виноват. Я действительно сожалею. Прошу прощения. Умоляю.

А из-за того, что я не мог рассказать правду, от моральных мучений моим сердцу и желудку стало в разы хуже. Могло ли быть хуже? И хотя я сказал, что дело было в том, что я просто очень вымотался, а не заболел. Мне запретили 4 дня работать и сказали, чтобы я не выходил на улицу, а только постоянно отдыхал и лечился на дому. Сначала условились на неделю, но я просто не смог бы так долго прохлаждаться, так что путем отчаянных переговоров срок заключения сократил до четырех дней. Но даже четыре дня — это было долго.

Сейчас было совсем не до отдыха! Даже при обычных обстоятельствах это невероятная потеря времени! Документы! Счета-фактуры! Расчеты! Столько работы! Их же уже гора накопилась!

Когда я тайком работал в комнате, в самое неудачное время зашёл Лоэндель, который всё тут же отобрал. Жестокий! Быстренько забрал с идеальной улыбкой джентльмена. Когда я попытался вернуть всё обратно, он мне улыбнулся. Однако глаза у него совсем не улыбались, и я отлично понимал, что он был в бешенстве... и мне не оставалось выбора, кроме как пойти на попятную, сказав, что всё в порядке. Потому что было страшновато, нет, очень страшно. В тот момент даже блондин рядом, бывший главный по дракам, молча стоял по струнке.

Вестей от Богини пока не было... Возможно... она думала, что я ужасно зол на неё, и ей не хочется встречаться. Вот только... плачущий голос, который тогда просил прощения... я уверен, что это мне не показалось. Ну, думаю, вскоре она всё же появится. Богиня... надеюсь, она хорошо подготовится к тому, как я буду её костерить.

На днях, когда проснулся... я увидел за окном белое перо. Я пошёл искать его, но ничего не смог найти. Не знаю, было ли это на самом деле или мне приснилось.

А потом... Блондин с чистой улыбкой хорошего парня пообещал Лоэнделю, что будет охранять меня и проследит за тем, чтобы я соблюдал медицинский режим, и без каких-либо затруднений получил согласие остаться в моей комнате на последующие три дня. За это время он так заботился обо мне, что буквально даже ногу поставить на пол не давал...

Именно поэтому... не хочу рассказывать, хорошо ли я отдохнул и подлечился... или нет.

*Труэно — trueno с исп. переводится «гром».

*Гром от мира лошадей — в оригинале Thunder, вероятно, отсылка к какому-то известному в

Японии персонажу с таким именем/прозвищем.

<http://bllate.org/book/12848/1132197>